

Анна Стреминская

«Как одиноки все деревья...»

* * *

Гражданская война происходит на кухне:
у одной соседки варено желтое, а у другой – зеленое.
И кот одной написал соседке в туфли,
а та что-то желтое сладкое подливает соседке в солёное!

И когда они ругаются самозабвенно и сладко,
у одной соседки слова вылетают желтые!
А у противницы совсем иные повадки,
и словами зелеными она бьет эту «дуру толстую»...

И мечутся по коридору желто-зеленые молнии,
да пена капает – то желтая, то зеленая!
И тени танцуют на стенах: худая и полная...
Одна из них – мутно-желтая, другая – зеленая, темная.

У каждой соседки над балконом имеется знамя:
у одной оно желтое, цвета солнца и меда.
У другой – зеленое, листвою трепещет над нами,
но они развешаются в разные стороны даже при тихой погоде!

* * *

Небо взлохмачено ныне, будто при свете солнца.
«Волосы Вероники» стали не только созвездьем.
Пряди волос повсюду – волны, локоны, кольца...
Волосы Вероники горят закатным возмездьем!

Волосы Вероники, Марты, Гертруды, Зои –
все перепуталось в небе – красные, рыжие пряди.
Все эти дамы, видно, в жизни не знали покоя,
если их шевелюры так растрепались некстати!

А горизонт разродился белым, как соль, пароходом,
а горизонт разродился облаком тысячелицым...
Чайкой, как облако, белой и смелым ее полетом,
сшивающим небо с морем, как может лишь только птица!

* * *

Мне бы хотелось говорить с тобой не словами –
слова бессильны, они ничего не значат!
Их смысл истерся тяжелыми жерновами
времен. Я хочу с тобой говорить иначе...

Вот чайка летит, сшивая небо и море,
она означает страсть, просоленную ветрами.
Это моя любовь там носится на просторе
и яхтою вдаль несется под парусами!

И первым снегом моя любовь выпадает,
по ней идут сапоги, ботинки и туфли.
Она трепещет, кружится и тает, тает...
Но все освещает, когда фонари потухли.

Смотри, смотри: все окна зажглись любовью,
И желтый свет на снег они проливают.
Снег сыплет солью и стелется тихой болью,
и люди идут, ничего ни о чем не зная...

* * *

Если идешь к женщине, то бери с собой плеть.

Ф. Ницше

По улице идет смурной философ...
Он к женщине идет – к прекрасной Жанне
или Сусанне. Нет совсем вопросов
к ней у него – он с плетью на свиданье
идет решительно, как в цирк или зверинец.
Готов дрессировать свою подругу.
Нет чтобы там цветы или гостинец –
он прихватил с собой еще подпругу!
Он помнит все заветы Соломона
про золото кольца в ноздре свиньи, но
за ним идут все комплексы со стоном...
Он агнцем мнит себя, совсем невинным.
Но нет ни силы, ни великодушья
в субъекте сем убогом и ущербном.
Он в мрачной атмосфере рос удушья
и был ребенком малахольно-нервным.
И нет любви в том сердце, как в окурке...
(Не повезло ему когда-то с мамой!)
Плеть отними, Сусанна, у придурка!
Смотри – вся поросла она цветами...

* * *

Как одиноки все деревья –
садовые или лесные...
Хоть музыкой объята древней,
поют мелодии ночные.
И каждый голос, утопая,
стремится слиться с остальными.
Но дуб сосну не понимает –

глазами смотрит он стальными.
Деревья тянутся друг к другу,
пытаются срастись корнями,
пытаются сплестись ветвями.
И птицы – верные их слуги –
слова любви разносят быстро,
коротенькие сообщенья.
А молнии рождают искры –
горячие слова прощенья!
Но не обвить ствола стволом и не
шагнуть навстречу другу.
Конец – сродни каменоломне,
но каплет кровь на месте сруба!
Любое древо – Мировое
и в одиночестве любое,
в том высшем смысле, чтоб собою
связать с вселенною – земное!

* * *

Лене Миленти

Женщина – девочка с карими глазами,
с улыбкою во взгляде и стихах,
бывшая и ребенком, и мамой,
вдруг впустившая в душу страх.

Одесситка – молдаванка, гречанка, немка,
выросшая на Молдаванке, в одном из дворов.
Впитавшая солнце и всю эту летку-енку
одесского лета и звездный его покров.

Любившая море и танцевать, и музыку,
любившая жизни биение в каждой из мелочей,
была подружкой со всеми почти что музами –
сама, как муза, журчащая, что ручей!

